

Букеты, или Петербургское цветобесие... Соч. гр. В.А. Соллогуба. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Букеты, или Петербургское цветобесие... Соч. гр. В.А. Соллогуба. В. Г. Белинский
Драматическая русская литература представляет собою странное зрелище. У нас есть комедии Фонвизина, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор», «Женитьба» и разные драматические сцены Гоголя – превосходные творения разных эпох нашей литературы, – и, кроме них, нет ничего, решительно ничего хоть сколько-нибудь замечательного, даже сколько-нибудь сносного. Все эти произведения стоят какими-то особняками, на неприступной высоте, и все вокруг них пусто: ни одного счастливого подражания, ни одного удачного опыта в их роде. «Бригадир» и «Недоросль» породили много подражаний, но до того неудачных, пошлых и вздорных, что о них нельзя и помнить. Еще прежде Фонвизина некто Аблесимов проговорился, обмолвился как-то прелестным, по своему времени, народным водевилем «Мельник» и, кроме этого водевиля, не написал ничего порядочного. Были ли подражания «Мельнику», не знаем; но если и были, то наверное уродливые и пошлые, а потому и забытые. Капнист написал «Ябеду» – комедию, замечательную более по дели, нежели по исполнению. От «Ябеды» должно перейти прямо к «Горе от ума», а от него к драматическим опытам Гоголя, потому что все написанное в эти два промежутка времени решительно не стоит упоминания.

То же самое можно сказать и о нашей трагедии или патетической драме. Еще из классических трагедий, и оригинальных и переводных, найдется несколько таких, которые заслуживали внимание и после трагедий Озерова. Но когда классическая трагедия у нас пала, с тем чтоб никогда уже не вставать, – мы до сих пор имеем только «Бориса Годунова» Пушкина да его же драматические сцены: «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Русалка», «Каменный гость». И, подобно комедиям Фонвизина, Грибоедова и Гоголя, эти произведения Пушкина тоже стоят в грустном одиночестве, сиротами, без предков и потомков...

Но касательно трагедии дело по крайней мере понятное; наша действительность еще не довольно развилась, чтоб поэты могли извлекать из нее материалы для патетической драмы. И потому это пока возможно, более или менее, только привилегированным гениям; для талантов же решительно невозможно. Но вот вопрос: почему и наша комедия сделалась тоже какою-то привилегией) одного гения и не дается таланту? Разве есть в мире такое общество, которое не представляло бы в своих нравах богатых материалов для комедии? Разве наши поэты и беллетристы не находят их в изобилии и не пользуются ими более или менее удачно, когда дело идет о повести? Повесть хорошо принялась на почве нашей литературы: лучшее доказательство в том, что повестью у нас занимаются с успехом и таланты и даже полуталанты – не одни гении... А комедия?... Где она у нас? – нигде!..

Узнав, что граф Соллогуб пишет что-то для театра, мы порадовались, что человек с умом, талантом и светским образованием (которое в деле драматической литературы иногда может быть своего рода талантом) решился попробовать силы на поприще, которым издавна завладели посредственность и бездарность. Но вот новое произведение графа Соллогуба дано и на театре, куда съехалось для него почти все высшее общество; вот наконец вышла и книжка... и мы все-таки не знаем, что сказать о «Букетах»... В заглавии «Букеты» названы шуткою: в этом нет ничего дурного, и хорошая шутка, хороший фарс в тысячу раз лучше плохой трагедии или комедии... Но для шутки тоже нужен драматический талант, и в ее основании должна лежать истина, хотя бы и преувеличенная для возбуждения смеха. Мы не скажем, чтоб в основании шутки графа Соллогуба вовсе не было истины, равно как и более или менее действительно верных и смешных черт; но все это у него испорчено преувеличением. Хуже всего то, что пьеса основана на избитых пружинах так называемого русского водевиля. Чиновник, из угождения своему начальнику, бросает букет, но не той певице, партизаном которой считает себя его начальник; за это он лишается места... Если это шутка, то нельзя не согласиться, что очень смелая. Но бедному Тряпке мало было лишиться места: автор лишил его еще и невесты, и все по поводу букетов. Надо было в это вмешаться любви, и вот «влюбленный» перебивает у Тряпки его невесту, благодаря глупости ее матери, провинциальной барыни... Но на чем же вертятся все наши водевили, как не на этой бедной интриге, с вечным пожилым женихом, над которым к концу торжествует юный, хотя и глупый любовник?... Странно, что граф Соллогуб, с его умом и талантом, не придумал чего-нибудь более оригинального! Мы уже не говорим о том, что эта шутка есть шутка задним числом: петербургское цветобесие происходило прошлой зимой, а шутка над ним явилась почти чрез год. Не так понимают а ргорос (кстати) французы: чтоб пошутить кстати на их манер, графу Соллогубу следовало бы написать свою шутку в

Букеты, или Петербургское цветобесие... Соч. гр. В.А. Соллогуба. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
один вечер, приехав домой из итальянской оперы, а через неделю вечером этой шутке должно бы смешить цветобесием публику Александрийского театра, в то самое время, как на Большом театре цветобесие разыгрывалось бы на самом деле. Тогда шутка была бы по крайней мере кстати...

Впрочем, все это так неважно, что не стоило бы и слов, если б тут не вмешались два обстоятельства – имя автора «Букетов» и некоторые фельетонные толки, порожденные «Букетами». Так, например, по поводу этого водевиля «Северная пчела» обвинила всю современную русскую литературу в злостном стремлении унижать полезный и почтенный класс чиновников и изображать их не иначе, как людьми безнравственными и глупыми... Первою причиною этого направления современной русской литературы «Северная пчела» считает Гоголя... Если эта газета позволяет себе взводить напраслину на современную литературу (из которой она себя не без основания исключает), то мы не менее ее считаем себя вправе защитить современную литературу от таких несправедливых наветов. Это даже наш долг.

Надобно сказать, что «Северная пчела», не имеющая похвальной привычки держаться одного и того же мнения об одном и том же предмете, сперва расхвалила «Букеты» графа Соллогуба, – в чем любопытные читатели могут удостовериться сами из фельетона 253 нумера ее, вышедшего 8 ноября; гроза над «Букетами» и над современную русскую литературу разразилась в 261 нумере, вышедшем 17 ноября, – ровно через девять дней... Этот обвинительный фельетон начинается так:

Несомненный признак образованности и общежительности каждого человека в особенностях и народа вообще – это умение понимать шутку и отличать сатиру от пасквиля. Литература и общество, не терпящие шуток и легкой, умной насмешки (causticite), то же, что пища без соли, вино без букета, красавица без выражения в лице и огня в глазах. Нигде более не шутят и не колют, как в Англии и Франции, и никто там за это не гневается. Холодные и чинные по наружности англичане обладают неподражаемым качеством, юмором (humour), одушевляющим и их речи и их литературу. Французы умеют во всем найти смешную сторону, даже в делах самых серьезных.

Все это очень справедливо и не раз говорилось в «Отечественных записках». Но фельетонист «Северной пчелы» повторил эти мысли, чтоб вывести из них заключение, диаметрально противоположное тому, какое из них само собою естественно должно выходить. Опираясь на том, что шутка должна иметь границы, он хочет совершенно уничтожить в русской литературе шутку и юмор и для этого силится восстановить против них целое сословие. Во-первых, как могут развиваться шутка и юмор, когда им заранее предписываются границы? Английский юмор и французская шутливость потому и процветают, что не боятся переходить за границы. И это очень естественно: как можно заставить человека быть веселым, сказав ему заранее, что он будет тотчас оштрафован, как скоро хоть немного зайдет за черту позволенной веселости! Как объясните вы ему, где эта черта?.. Уж хоть бы на англичан-то не ссылались г. фельетонист: если б только сказать нашей чинной публике, как позволяют себе англичане шутить, так она пришла бы в ужас... И немудрено: англичане имеют привычку, вошедшую в их нравы и обратившуюся в обычай, печатать не только то, что они говорят, но и что они думают, – и не об одних теоретических предметах, но и о лицах... Очевидно, что наш фельетонист писал понаслышке об английском юморе. Советуем ему справиться, например, хоть о том, как разыгрывался юмор Байрона насчет Соутэ... Потом словоохотливый фельетонист уверяет, будто бы лучший и чистейший образец шутки и юмора в русской литературе должно видеть – в «Иване Выжигине» и что этот роман, написанный самим фельетонистом, который по этому поводу один и превозносит его, лучше «Ревизора» и «Мертвых душ» Гоголя!..

В сатирических статьях (говорит фельетонист) я никогда не имел перед глазами какого-нибудь лица, по всегда брал с мира по нитке. В моем «Иване Выжигине», выставляя пороки и злоупотребления, я помещал и к всегда рядом с добродетелью и честностью. В «Иване Выжигине» вы встречаете хорошего помещика рядом с дурным, честного чиновника в противоположность злоупотребителю, благородного, правосудного судью возле взяточника.

Затем г. фельетонист, скромно предоставляя публике сказать, хорошо или дурно разрешил он эту задачу, присовокупляет, что правила его верны и что молодое поколение писателей, отвергнув эти правила, действует по-китайски, то есть пишет без теней. Как на поразительный пример этой китайской живописи в литературе указывает г. фельетонист на «Ревизора» и «Мертвые души», говоря, что все действующие лица в них – хищные вороны, идиоты, паяцы, невозможные в

Но нам что-то крепко сдается, что г. фельетонист хлопочет тут больше о себе, нежели о чиновниках. Это нетрудно доказать. Он рассуждает об искусстве по-китайски и тех, кто понимает искусство по-человечески, называет китайцами. Он извлек эстетические правила, которые почитает верными и непогрешительными, из сочинений, которых мы нисколько не считаем образцовыми. Поэтому очень естественно, если он думает, что романы и комедии можно писать по рецепту, то есть подле взяточника поставьте бескорыстного судью, подле ленивого хозяина – трудолюбивого, подле вора – честного человека и т. д., и выйдет хорошо. Так писать легко! Но, к сожалению, так писать теперь уже невозможно, потому что таких «нравственно-описательных» романов публика уже не читает и не покупает. Вот это-то горестное обстоятельство и вооружает устарелую посредственность и бездарность против молодого поколения писателей. Им, то есть посредственности и бездарности, хотелось бы не тем, так другим, не мытьем, так катаньем воспрепятствовать молодому поколению писать с талантом; им хотелось бы заставить его писать, как писывали прежде, то есть вместо живых лиц выводить куклы с ярлычками на лбу: вот это, мол, бескорыстие, это благонамеренность, это взяточничество и т. д. Так и был написан «Иван Выжигин», почему все действующие лица его и носят характеристические названия Благодетельных, Честоновых, Воробьевых, Ножовых и т. д. И «Выжигин» имел успех, хотя и минутный, потому что в то время, когда он явился, еще не совсем прошла мода на такую восковую и картонную литературу, еще не все забыли роман Измайлова, в подражание которому был написан «Выжигин» и который назывался «Евгений, или Пагубные следствия дурного воспитания и общества»[1]: в нем действующие лица также носят характеристические названия Негодяевых, Развратных, Ветровых и т. д. Но этот самый успех и погубил «Ивана Выжигина», потому что об нем все заговорили и начали судить, и таким образом скоро дошли до лучших воззрений на роман, как произведение искусства. Всею своею время, и роман Измайлова был хорош для своего времени. Мы не скажем, чтоб и «Выжигин» воспользовался совершенно незаслуженным успехом, равно как не скажем и того, чтоб он незаслуженно пришел в скорое и конечное забвение. Его заслуга именно в том и состояла, что он спас нашу литературу от наводнения подобными романами, которые так легко писать, не имея таланта, не зная ни действительности, ни людей. После «Выжигина» в нашей литературе пошумел не один роман много лучше «Выжигина»; но где они теперь все?.. А между тем все они были необходимы и принесли большую пользу в отношении к нашей юной литературе, они были ее черновыми тетрадами, по которым она училась писать. Теперь она выучилась писать, и публика не хочет знать ее черновых тетрадей, писаниях по линейке. Теперь русский роман и русская повесть уже не выдумывают, не сочиняют, а высказывают факты действительности, которые, будучи возведены в идеал, то есть отрешены от всего случайного и частного, более верны действительности, нежели сколько действительность верна самой себе. Теперь роман и повесть изображают не пороки и добродетели, а людей как членов общества, и потому, изображая людей, изображают общество. Вот почему теперь требуется, чтоб каждое лицо в романе, повести, драме говорило языком своего сословия и чтоб его чувства, понятия, манеры, способ действия, словом, все оправдывалось его воспитанием и обстоятельствами его жизни. фельетонист «Северной пчелы» довольно справедливо называет Гоголя основателем теперешней литературной школы, но совсем несправедливо упрекает Гоголя в том, будто бы он оскорбляет целое сословие, изображая некоторых его членов негодьями и глупцами. Что же касается до того, что все его герои будто бы дураки, – это решительная неправда. В «Ревизоре» глупы только Бобчинский с Добчинским да Хлестаков; простоват немного наивный – почтмейстер; остальные все умны, а некоторые из них, как, например, городничий, даже очень умны. О них можно сказать, что они грубы, невежды и невежи, но никак нельзя сказать, что они глупы. В «Мертвых душах» глуп один Манилов и простоваты председатель и почтмейстер, а все остальные очень умны, положим, умны по-своему, но все же умны, а не глупы. Потом, если б Гоголь и изображал только одних негодяев и глупцов, это бы отнюдь не значило, что он дурного мнения о целом сословии, но значило бы только, что он мастер изображать одних негодяев и глупцов, которых довольно во всяком сословии. Кто может сказать поэту, зачем он изображает то, а не это? Кто может сказать живописцу, зачем он пишет ландшафты, а не исторические картины, или зачем, пиша ландшафты, изображает деревья кривые и сухие, а не прямые и пышно зеленеющие?.. Когда талант проявляет себя в произведениях исключительно одного рода, называйте его, если хотите, односторонним, но не делайте из его односторонности уголовного преступления...

Г-н фельетонист «Северной пчелы» говорит:

Букеты, или Петербургское цветобесие... Соч. гр. В.А. Соллогуба. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Смотря на выведенных на сцену чиновников в новой пьесе «Букеты, или Петербургское цветобесие», у нас сердце обливалось кровью при мысли, что на представление этой пьесы явился весь большой свет (который – заметим мы от себя – не явился на представление «Шкуны Ньюкарлеби») и что многие, особенно многия из этого большого света, не имея понятия о чиновниках, подумали, что это списано с натуры! Нет, милостивые государыни и милостивые государи, Mesdames et Messieurs, таких чиновников, каких вы видите в «Ревизоре», в «Цветобесии» и т. п., нет, а между чиновниками могут быть и смешные и дурные люди, как везде. С людьми, называющими себя писателями нового поколения, я не намерен ссориться: они должны быть превосходные писатели, потому что беспрестанно то сами себя, то друг друга ужасно расхваливают; скажу только: простите им, добрые люди: не ведают бо что творят!

Не понимаем, какое отношение нашел г. фельетонист между «Ревизором» – превосходнейшим произведением гения и «Букетами» – шуткою таланта? Вот другое дело, если б он поставил «Букеты» на одну доску с «Выжигиным»: конечно, все отдали бы преимущество первым.. А потом: с чего вздумал г. фельетонист обвинять графа Соллогуба в намерении оскорблять чиновников? Положим, он неверно изобразил их; но это вина таланта, а не человека. Ведь г. Булгарин еще хуже изобразил в своем «Выжигине» все сословия в России, – так худо, что даже добродетельные лица его романа вышли необыкновенно безобразны; однако ж все критики, и с ними публика, единодушно приписали этот недостаток решительному отсутствию в сочинителе поэтического таланта, а отнюдь не каким-нибудь особенным намерением.. Далее: какие писатели нового поколения хвалят беспрестанно то сами себя, то друг друга? Помилуйте! это делают только некоторые писатели равно и старого и нового поколения, потому что самохвалы есть везде. Говорить о себе еженедельно: «я стою за правду, я готов умереть за правду» или плохой и забытый роман свой ставить выше гениальных произведений, – вот это значит беспрестанно хвалить себя, – и это нехорошо. Но еще хуже приписывать другим дурные намерения, – единственно из зависти к чужому успеху и в надежде дать литературе насильственный поворот...

Примечания

1 В Санкт-Петербурге. В привилегированной типографии Вильковского. Первая часть напечатана в 1799, вторая – в 1801 г

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!